

УДК 81'23

СЛОВО И ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ВЕЛИЧИНЫ В ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССАХ

А.А. Яковлев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Критерии выделения отдельного слова многочисленны и противоречивы. То, что является отдельным словом по одним критериям, может не быть таковым по другим. Весьма часто имеют место промежуточные величины, в которых тот или иной признак не даёт основания называть их отдельным словом. В этой связи более важным представляется не выяснение однозначных признаков слова, а выяснение связи между изменением признаков слова в разных процессах, в которых функционирует слово, и закономерностями этих процессов.

Ключевые слова: *слово, словосочетание, критерии слова, признаки слова.*

Если попросить далёких от языкознания людей дать определение понятию «слово», то большинство из них справятся с такой задачей, хотя это понятие является одним из сложнейших в языкознании (ср., например, различные подходы к характеристике слов в изолирующих и флективных языках, к характеристике артиклей и частиц и т.д.). Возможно, такая ситуация объясняется тем, что это понятие кажется ясным каждому носителю языка из повседневного опыта. Даже для определений, данных студентами языковых направлений, во многом свойствен обыденный характер, делающий их больше похожими на описания: *Единица речи, из которой складывается речь; Набор последовательно стоящих букв для обозначения того или иного предмета, действия и т.д.; Единица языка, состоит из букв; Сочетание букв, имеющее определённый смысл; Совокупность букв, объединённых по определённым принципам; То, из чего складываются предложения* и т.п.; подробнее см.: [5; 6].

Само собой разумеется, что если попросить о том же носителей изолирующих или инкорпорирующих языков, то результаты будут другими. Вот почему Л.В. Щерба прямо пишет: «В самом деле, что такое „слово“? Мне думается, что в разных языках „слово вообще“ не существует» [4: 43]. То есть общего понятия «слово», если не конкретизировать, о языке какого строя идёт речь, не существует. Даже если оставаться в рамках дихотомии языка и речи, невозможно выделить единые критерии для определения слова.

«...Многие так называемые „сложные слова“, например немецкого языка или санскрита, являются в этих языках словами лишь по форме, а по существу будут соответствовать тем простейшим единицам речи („parole“), которые я называю **синтагмами**: большинство сложных слов этих языков делается в процессе речи и не входит в репертуар языка как системы» [там же].

Поэтому слова типа *русско-французский, беспардонно-невежественный, членовредительство* или *иммуноглобулин* являются сложными словами лишь в исторической перспективе, а в синхронии это простые слова.

Той же точке зрения придерживался Е.Д. Поливанов, который писал, что слово

«...определяется потенциальной способностью данного комплекса изолироваться, т.е. быть – при тех или иных условиях речевого обмена – без сопровождения каких-либо других комплексов единственным составом произносимой фразы: сравни, например, изоляцию отдельных слов в вопросах, переспросах и ответах на вопрос: „Ты был в Москве?“ – „Был“ – „Был?“ – „Да“ – „Когда?“ – „Вчера“» [3: 7].

Причём изучением слова занимается, по его мнению, синтаксис, но не морфология:

«...Элементарной величиной, рассматриваемой в синтаксисе, т.е. **синтаксической „единицей“** является **слово**, а элементарной величиной морфологии, т.е. **морфологической „единицей“**, – **часть слова**, обладающая **самостоятельным значением** (и повторяющаяся с этим своим значением в ряде слов); для этого понятия, морфологической единицы, мы будем употреблять термин „морфема“» [цит. раб.: 6].

Различия между словом и суффиксом состоят в том, что только слово может выступать в качестве отдельной синтаксической единицы, может составлять отдельную фразу речи.

Ту же самую трактовку слова Е.Д. Поливанов приводит в соответствующей статье в своём «Словаре лингвистических и литературоведческих терминов» (первом подобном издании в истории отечественного языкознания):

«Словом называется настолько самостоятельный в смысловом отношении и логически законченный отрезок речи, что он оказывается способным изолироваться в качестве единственного состава произносительной фразы (напр., в диалоге — в вопросах, переспросах, ответах)» [2: 424].

В этом месте даётся сноска с показательным примером:

«Например, в следующем хотя бы диалоге: – Пьёшь? – Пью. – Пиво? – Нет. – Водку? – Да. – Помногу? – Нет. – Бутылку? – Нет. – Больше? – Да. – Две? – Да. – Ежедневно? – Да. А ежели в лесочку, да при ручеёчку, то до бесконечности...» [Цит. раб.: 427].

Коль скоро словом Е.Д. Поливанов называет **отрезок речи**, то изолируемость является главным, хотя и не единственным, критерием слова:

«Кроме этого (главного) критерия – **критерия изолируемости** (приписываемого Поливанову, а на самом деле указанного уже 70 лет тому назад английским лингвистом Sweet'ом) – слово имеет ещё ряд других критериев, различных по языкам. Однако эти критерии (т.е. различные признаки слова) далеко не всегда совпадают между собой, а также не всегда совпадают и с критерием изолируемости (и даже в масштабе одного критерия возможны противоречивые aberrации). Это несовпадение критериев, т.е. несовпадение различных признаков слова, неизбежно, ибо вытекает из диалектического противоречия признаков в переходных (промежуточных) величинах; а промежуточные величины между словосочетанием (из двух или более слов) и словом, *resp.* между словом и морфемой (внутри нового — сложного слова), неизбежны во всяком языке и во всякий период его истории, так как всегда и во всех языках осуществляется процесс универбации определённых словосочетаний» [цит. раб.: 424–425].

Чрезвычайно важно, что критериев отдельного слова несколько: это, по Е.Д. Поливанову, синтаксический критерий (изолируемость), орфографический (слово пишется отдельно от других слов), акцентуационный (слово имеет одно ударение), морфологический (слово имеет один корень). Сюда следует добавить, конечно, семантический критерий: отдельное слово выражает в речи отдельное понятие, но не суждение. И эти критерии часто противоречат друг другу даже в одном языке: то, что выделяется в качестве слова на основе акцентуационного критерия, может не совпадать с тем, что выделяется в качестве слова на основе орфографического критерия [цит. раб.: 425–426].

По причине множественности факторов, необходимых для понимания специфики слова, И.Е. Аничков, проанализировав ряд подходов к определению слова, приходит к выводу:

«Есть сложные единицы, лежащие у границы или на границе между словами и словосочетаниями. В отдельных случаях с одинаковым правом можно отнести ту или другую сложную единицу к той или другой из этих двух категорий, и споры о том, к которой из них их следует отнести, бесплодны.

Я думаю, что в тех или других языках могут быть разряды сложных единиц, занимающие промежуточное положение между словами и словосочетаниями» [1: 255–256].

Дело не в том, что языковед по неумению или по несовершенству теоретического аппарата не способен однозначно зафиксировать критерии слова. Дело в том, что слово не проявляет однозначно своих признаков. Несколько даже простых примеров продемонстрируют это.

Человек, хорошо владеющий русским языком, нередко произносит больше слов, чем пишет. В произносимой фразе *Кни́га | лежи́т | на столе́* три ударения, значит, три слова, но графически в ней четыре слова, если считать по пробелам. Однако если дан человек, по той или иной причине плохо читающий по-русски, он при чтении этой фразы сделает в ней четыре ударения, т.е. количество фонетических и графических слов совпадёт.

Подобные случаи возможны также, если человек малограмотен и если он пишет, например: *Я тебя невидел*. Количество фонетических и графических слов здесь совпадает, но стоит этому человеку узнать правило, как их количество перестанет совпадать. Обратный пример – ошибочно написанная фраза *Он пошёл на прямик*. Это вообще наблюдается, когда человек учится читать или писать, и количество фонетических слов перестаёт или начинает совпадать с количеством графических.

Слова могут не совпадать также по семантическому и графическому или фонетическому критериям. Так, комплексы типа *подшипник качения, сила тока, часть речи, социальная сеть, фильм ужасов, лечь спать, хотеть пить* с фонетической и графической точки зрения являются словосочетаниями, но обозначают один-единственный предмет (действие, явление, состояние и т.п.), т.е. являются одним словом.

Более того, даже по какому-то отдельному критерию слово неоднозначно. Рассмотрим два примера: (1) – *Ты из Новгорода едешь* [или в Новгород]? – *Из!* (2) – *Ты из Новгорода едешь* [или из другого города]? – *Из Твери*. Очевидно,

что во втором примере предлог *из* не может быть изолирован, поскольку в вопросе он является лишь частью ремы. В первом примере он может быть изолирован, поскольку в вопросе только он входит в состав ремы.

Для вышколенного в рамках традиционной грамматики ума всё это выглядит парадоксальным и даже бессмысленным, поскольку, согласно этой логике, в одной фразе не может быть одновременно и три, и четыре слова или то три, то четыре слова. Однако этот парадокс означает, во-первых, что понятие «слово» **системно**, его нельзя определить только фонетически, только морфологически и т.д., а во-вторых, что один из критериев может доминировать, и тогда мы называем словом такую систему, в которой каких-то признаков, или критериев (например, графических), меньше или больше достаточного количества.

Весьма часто мы имеем дело с промежуточными величинами, в которых тот или иной признак слова не даёт основания называть его словом, а только частью слова или двумя словами (точнее, слово + ещё какая-то часть, слишком малая, чтобы называться вторым отдельным словом). В зависимости от того, какой пучок свойств и в каких условиях рассматривать, этот пучок будет или не будет словом, т.е. будет достаточным и не чрезмерным, чтобы однозначно сказать: «Это отдельное слово». Как говорит Е.Д. Поливанов, такие промежуточные величины неизбежны в любом языке, и, как говорит И.Е. Аничков, споры об их однозначной отнесённости к категории слов или неслов бесплодны. То же относится не только собственно к языку: в разных высказываниях одного человека формально одна и та же последовательность единиц (акустических, графических и т.д.) может быть словом, а может быть промежуточной, т.е. слишком большой или слишком малой, величиной, и для его собеседника в тот же момент времени всё может быть иначе.

Таким образом, любое слово – это всегда нечто фонетическое (его можно произнести, услышать или прочитать), нечто графическое (его можно написать), нечто семантическое (оно обозначает предмет, отражает в сознании человека фрагмент мира), нечто грамматическое (оно выражает грамматическое значение через свои связи с другими словами по форме и по возможной или актуальной позиции во фразе). Слово «состоит» из своего рода пучков фонетических, графических, семантических и грамматических (морфологических и / или синтаксических) единиц. Но сами эти единицы и даже их пучки не существуют по отдельности и вне процесса общения. Наоборот, они могут быть выделены только как части слова, причём только при использовании слова в речи – письменной или устной. Не существует слова только как пучка фонетических единиц или только как пучка морфологических единиц. Слово потому и слово, что объединяет эти единицы в их системности. Не существует также и слова как одинакового числа всех единиц, или признаков. Слово не только внутренне неоднородно, но к тому же асимметрично: одних единиц в нём больше, чем других.

Можно утверждать, что слово – это пучок (или система, или иерархия, или целокупность, или набор, или множество) графических или акустических

единиц, составляющих единство и позволяющих этому единству вступать в те или иные взаимодействия с другими единствами. Эти взаимодействия, т.е. изменения свойств под влиянием других пучков, суть: фонетические (потеря или приобретение отдельного ударения, изменение анлаута и / или ауслаута), морфологические (изменение состава морфем) синтаксические (способность занимать определённые позиции во фразе), семантические (способность изменять способ обозначения предмета, способ его репрезентации в сознании человека). Тогда слово можно охарактеризовать как такой набор (или такую последовательность) единиц акустической или графической природы, который достаточен для того, чтобы вступать во взаимодействия с другими наборами подобных единиц. Отдельно эти единицы не существуют и проявляют себя только во взаимодействии с другими наборами единиц.

Взаимодействия слов происходят только в рамках определённых процессов – в порождении или восприятии речи, в переработке ментального лексикона, в переработке лингвистической теории (взаимодействия слов и составляют, по большому счёту, эти процессы). Взаимодействия слов в этих процессах дают возможность описывающему их языковеду констатировать наличие и характер связей разных слов по разным их свойствам и интерпретировать эти связи, являющиеся видимым результатом взаимодействий слов в разных процессах, как свойства самих слов (отсюда, например, сходство семантических свойств таких слов, как *световой, светло, светильник*, или морфологических свойств таких слов, как *пришёл, принёс, прижрал*, или контраст таких слов, как *ползти, идти, бежать*). В некотором смысле так оно и есть на самом деле: взаимодействия слов в рамках указанных процессов наделяют их дополнительными свойствами. Участие в указанных процессах сохраняет стабильность данного пучка единиц, т.е. слова (отсюда, например, исторически сложившееся слитное написание слов типа *спереди, исподлобья*). При этом в конкретном случае слово может участвовать, а может и не участвовать как нечто **отдельное и целостное** в каком-либо из указанных процессов, если соответствующих его свойств (единиц в пучке) недостаточно. Отдельно входящие в состав слова единицы не взаимодействуют с другими пучками единиц. Как правило, взаимодействия слов (т.е. пучков, или систем, единиц) происходят системно: слово не может провзаимодействовать с другим словом (например, быть объединённым во фразе в словосочетание), изменив только свои фонетические свойства и не изменив семантических. С другой стороны, слово не может провзаимодействовать с другим словом, не изменив хотя бы каких-то своих свойств. Собственно, по этому изменению свойств слова языковед и может судить о его границах, а этим свойствам приписывать статус признаков отдельного слова.

Ко всем названным процессам необходимо добавить процессы, составляющие культуру, дающие людям образцы оценок их деятельности и накладывающие дополнительные трудности на изучение языка. С этой точки зрения, слово есть такой инструмент взаимодействия людей, который даёт им способы осуществлять собственную деятельность (не только речевую) и при

этом изменять себя. Не всякое слово в любом высказывании обладает культурной значимостью, речевая деятельность большинства членов данной группы не вносит ничего в культуру, однако слова **некоторых** членов группы, используемые в некоторых высказываниях, имеют неотъемлемый культурный компонент, поскольку именно они используются другими людьми для саморазвития, для личностного роста, изменения своих ценностей, ориентиров, идеалов и т.д.

Сложность культуры как научной категории состоит в том, что она охватывает систему таких функций общества (общественной группы) по отношению к отдельному человеку, которые позволяют ему изменяться самому при использовании уже некоторых «апробированных» образцов. Слово и является «пучком» таких образцов и процессов по их овладению и использованию. Культура соединяет единичное и всеобщее в человеке, давая возможность соотносить свои собственные личностные ценности с общечеловеческими и культурными. И слово играет ключевую роль в этих процессах: используя во взаимодействии с другими людьми слова, актуализирующие в сознании разные смыслы, мотивы и т.д., человек изменяет собственную иерархию ценностей, которые в той или иной мере совпадают с ценностями других членов социума.

Итак, слово – это частная функция от того процесса, в котором некоторая совокупность единиц используется как целое. Каков этот процесс, таковы и критерии слова, точнее, таковы свойства слова, выходящие на первый план благодаря этому процессу. Если имеет место речевая деятельность, основными являются коммуникативно-синтаксические и (для соответствующих языков) морфологические критерии, или свойства, слова. Если имеется переработка опыта, основными являются семантические критерии, или свойства, слова. Если имеется составление словаря или описательной грамматики конкретного языка, то основными являются формальные критерии, или свойства, слова. Но всегда принимаются во внимание доминирующие критерии, т.е. остальные критерии слова не исключаются, а иногда тоже привлекаются как вспомогательные. Рассматриваемое вне конкретного процесса, слово не имеет определения. При рассмотрении слова в разных процессах, ему невозможно дать однозначного определения, одинаково подходящего к этим процессам. Именно поэтому традиционное описание языка не соответствует психолингвистическому описанию, так как исследуются разные процессы: либо процессы переработки текстов в языковую систему, созданную лингвистом, либо процессы порождения / восприятия речи и переработки опыта с помощью языковой организации (языковой способности) человека.

Следовательно, куда важнее задаваться не вопросом «что такое слово?», а вопросом: «Что мы можем узнать о закономерностях языковых процессов по изменению свойств слова?» По **видимым** изменениям тех или иных свойств слов, которые принимаются за критерии оценки и «измерения» процессов, в которых функционируют, проявляя эти свойства, слова, можно судить о

невидимых законах самих процессов, об их связях с другими процессами языка, мышления, социума и культуры.

Список литературы

1. *Аничков И.Е.* Труды по языкознанию. СПб.: Наука, 1997. 510 с.
2. *Поливанов Е.Д.* Труды по-восточному и общему языкознанию. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 623 с.
3. *Поливанов Е.Д.* Введение в языкознание (для востоковедных вузов). Изд. 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. 232 с.
4. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
5. *Яковлев А.А.* Терминологическая репрезентация научной картины мира в языковом сознании студента // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 62–68.
6. *Яковлев А.А.* Значения терминов как отражение научной и обыденной картин мира в сознании студента // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2018. № 1. С. 30–40.

WORD AND INTERMEDIATE VALUES IN LANGUAGE PROCESSES

Andrey A. Yakovlev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

The criteria for distinguishing a separate word are numerous and contradictory. What is a separate word by some criteria may not be one by others. Quite often there are intermediate values in which one or another feature does not give reason to call them a separate word. In this regard, it is more important not to clarify the unambiguous features of a word, but to clarify the relationship between the change in the features of a word in different processes in which the word functions, and the patterns of these processes.

Keywords: *word, words combination, collocation, word criteria, word features..*

Об авторе:

ЯКОВЛЕВ Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков СЗИУ РАНХиГС; доцент кафедры иностранных языков в сфере экономики и права СПбГУ; *e-mail:* mr.koloboque@gmail.com